

том, как относится взрослый к исполнению детьми отдельных жанров детского фольклора (безразличен, разрешает, запрещает), участвует ли сам в передаче текстов, проявляет ли интерес к детской традиции, стараясь понять мир детей. Для педагогического сознания долгое время было характерно настороженное отношение к детскому фольклору как к низкой, «уличной» забаве, в детских садах разрешалось использовать только книжные считалки, такой вид «страшных» рассказов, как страшилки, был потаенным жанром, и в передаче этих текстов взрослые практически не участвовали. Сейчас положение стало меняться, причем заметную роль, видимо, играет сезонное привлечение к воспитанию детей большого числа непрофессиональных педагогов (студентов, молодых рабочих и служащих) в качестве вожатых в летних лагерях. По возрасту они часто ненамного старше своих воспитанников, а их менее жесткие нормативно-педагогические установки позволяют им даже самим принимать участие в исполнении детского фольклора.

Рассматривая детский фольклор как предмет изучения, мы попытались определить его место в культурной среде и существенные черты через систему психологических, пространственно-временных и социальных координат. Сложность и многообразие этого предмета позволяет выделить в нем аспекты, находящиеся в компетенции разных наук.

Рассмотрение взаимосвязей детского фольклора с традиционным и современным фольклором взрослых, исследование генезиса и тенденций в развитии жанров, текстологический анализ, изучение поэтики коллективного детского творчества и другие фольклористические проблемы составляют один из этих аспектов. Он может быть дополнен экспериментально-психологическими исследованиями функциональной роли фольклора (коммуникативной, регуляторной, информационной, психотерапевтической, проективной и т. п.) в жизни детских сообществ, половозрастных детерминант детской традиции, личностных особенностей детей-рассказчиков, влияющих на их репертуар, и статуса этих детей в группе, а также изучением того, как отражаются в детском фольклоре особенности детской психологии (специфика образной системы, основная проблематика, логика мышления, моральные суждения, юмор и страхи, связь с другими видами детского творчества). Большой интерес представляли бы социологические исследования жизни детского фольклора в современном городе и в деревне, его региональной трансмиссии, влиянии средовых факторов, средств массовой коммуникации, педагогических установок и т. п. на существование детской субкультуры. Этнографические исследования детской традиции в разных этнических средах дали бы ценный материал для выявления культурно-специфических и универсальных черт социализации детей среди сверстников.

В. Т. Соколов

**ГОРОДСКИЕ РАБЫ И ИХ СЕМЬЯ НА ЮГЕ США.
1830—1860 гг.**

Рабство негров в США с самого своего возникновения было не только сельским, плантационным, но и городским. Существовало оно в городах как Севера, так и Юга, где проживало значительное число черных рабов. После отмены рабовладения на Севере в конце XVIII — начале XIX в. в городах Юга, как и на всем Юге, рабство сохранялось вплоть до гражданской войны 1861—1865 гг.

Городское рабство в США — малоизученное явление. В советской историографии работ, посвященных исследованию жизни городских рабов и тем более их семейно-брачных отношений, нет вообще. В данной статье автор попытался охарактеризовать положение рабов южноамериканского города, их труд и быт, семейные и межрасовые отношения.

Основная масса городских рабов проживала в наиболее крупных городах Юга, которые, по выражению американского исследователя Р. Уэйда, образовывали «городской периметр», как бы цепочкой охватывавший плантационные рабовладельческие штаты с востока, юга и севера. Как правило, это были крупные морские и речные порты и основные центры торговли Юга с Севером и Западом США, а также с Англией и другими странами. На Атлантическом побережье были расположены Балтимор, Ричмонд, Норфолк, Чарлстон, Саванна, на побережье Мексиканского залива — Мобил и Новый Орлеан. Верхняя сторона «периметра», проходившая по линии Мэйсон—Диксон, служила границей между свободными и рабовладельческими штатами. Здесь наиболее густонаселенными городами являлись Сент-Луис и Луисвилл — крупные порты на реках Миссисипи и Огайо. Внутри этой сельскохозяйственной территории было несколько десятков небольших городов, таких, как Огаста, Колумбия, Натчес, Монтгомери, Мэмфис, Нэшвилл и др. Население каждого из них даже в середине XIX в. не превышало нескольких тысяч жителей.

В городах в различные периоды проживало до 10% всех рабов страны. В 1830—1850-е годы число городских рабов достигло своего пика — примерно 400 тыс. чел.¹ В одних городах рабы составляли $\frac{1}{5}$ часть жителей, в других — более четверти, а в Чарлстоне (Южная Каролина) — почти половину населения.²

Основой экономической жизни большинства южных городов являлась торговля. Это было особенно ярко выражено в городах «периметра», хотя в некоторых из них было достаточно развито и промышленное производство. Во многих крупных городах процветала работорговля. Хотя основными невольничьими рынками были Новый Орлеан, Ричмонд, Чарлстон, небольшие города также были вовлечены в нее, являясь своеобразными сборными пунктами на большом невольничьем торговом пути со «Старого» на «Новый» Юг³.

Городское рабство было многоликим институтом, приобретающим в каждом из городов свои черты, которые постоянно менялись. Это в значительной мере отличало его от сельского рабства, которое в XIX в., по оценке известного американского историка К. Стэмпа, «как бы застыло в своих формах»⁴. Размеры рабовладений в городах были небольшими: один хозяин, как правило, владел одним-двумя рабами. Только у самых богатых рабовладельцев, которых было весьма немного и число которых с годами неизменно уменьшалось, рабы исчислялись десятками. В Чарлстоне, например, где доля рабов в населении была наиболее высокой, в 1830 г. проживало 2873 белых семьи. В 379 из них (13%) рабов не было. В 401 семье (14%) имелось по 10 и более рабов; 87 семей (3%) имели более чем по 20 рабов, а 19 семей (0,6%) имели по 30 и более рабов. Остальные 1987 семей (69%) имели всего по несколько рабов⁵. К 1860 г. число крупных рабовладельцев в Чарлстоне значительно уменьшилось.

Та же картина наблюдалась и в Новом Орлеане. В 1830 г. 215 хозяев имели по 10 и более рабов, в том числе 22 хозяина — по 20 и более рабов. Остальные имели по несколько рабов. Накануне гражданской войны только 83 семьи имели по 10 и более рабов⁶.

В других городах Юга положение было примерно таким же, и только в Ричмонде число крупных рабовладельцев возрастало. С 1820 по 1860 г. число семей, имевших по 10 и более рабов, выросло там с 14 до 27, а семей, имевших от 10 до 20 рабов, — с 7 до 93⁷. Это объясняется

¹ Ниробург Э. Л. Негры США. М.: Наука, 1979, с. 85.

² Wade R. S. Slavery in the Cities. The South, 1820—1860. N. Y., 1964, p. 326.

³ Штатами «Старого» Юга считались Виргиния, Мэриленд, Северная Каролина, Южная Каролина, Джорджия, Кентукки; штатами «Нового» Юга — Алабама, Миссури, Миссисипи, Луизиана, Техас и др.

⁴ Stamp K. The Peculiar Institution. N. Y., 1956, p. 28.

⁵ Wade R. S. Op. cit., p. 21—22.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

расширением применения дешевого рабского труда на принадлежавших различным компаниям крупных предприятиях Ричмонда, которых к 1860 г. было уже больше 50. Так, в собственности Виргинской железнодорожной компании имелось 274 раба, другие компании также владели десятками рабов.

Что касается живших в городах хозяев крупных плантаций, то они были почти в каждом южном городе. В Новом Орлеане, например, проживали некто Дж. Хиггинс, в 1860 г. имевший 115 рабов, и еще несколько рабовладельцев, владевших более чем полусотней рабов каждый. В Чарлстоне в том же году таких владельцев плантаций насчитывалось около дюжины⁸.

Как правило, большинство городских рабов жили в доме хозяина и выполняли там всю работу по обслуживанию его семьи. Особенно широко распространено это было в городах со слабо развитым промышленным производством. В Саванне, например, в 1848 г. большинство из 5686 проживавших там рабов были домашними слугами и лишь несколько сотен были заняты на других работах. В Чарлстоне в том же году из 7356 живших там взрослых рабов 5272 чел. (71%) работали домашними слугами, 867 чел. (12%) имели какую-либо специальность и 1217 чел. (17%) не имели никакой профессии и были заняты на разных работах⁹. Почти все служанки в Чарлстоне были черными рабынями, из белых в служанках числилось только 100 ирландских девушек.

Женщины составляли большинство домашних слуг. Но в составе прислуги имелось немало и мужчин. Они, как правило, были камердинерами, швейцарами, конюхами, кучерами, садовниками, истопниками и пр.

Детей рабов приучали к домашней службе с малых лет. Они выполняли простые поручения, приобретали и осваивали навыки поведения и обычаи слуг, являясь, таким образом, заметной частью домашней рабочей силы. Воспитанные с детства слуги ценились дороже. К 8—9 годам молодой раб обычно уже полностью использовался хозяином, по крайней мере как слуга или мальчик на посылках. «В мои обязанности входило также бегать с поручениями хозяина», — писал о своем детстве в Балтиморе известный борец против рабства, сам в прошлом раб, Фредерик Дуглас¹⁰.

Несмотря на то что дети рабов постоянно пополняли контингент домашних слуг, в городах Юга часты были жалобы на их нехватку. «Трудно найти слугу для дома. Еще труднее найти хорошего слугу», — слышалось и на «великосветских» приемах в богатых особняках, и в городских салонах, на рынках, пристанях.

Домашних слуг-рабов в городах в какой-то мере не хватало прежде всего потому, что многие хозяева широко применяли их труд на своих предприятиях, в магазинах, гостиницах, отдавали в аренду корпорациям и крупным промышленникам, использовавшим рабов как рабочую силу на своих предприятиях, пристанях, на строительстве железных дорог, каналов, мостов и т. д. Муниципалитеты использовали рабов на ремонте улиц и дорог, уборке мусора, прокладке водопровода и других коммунальных работах. Госпитали и даже церкви покупали или брали в аренду рабов для обслуживания своих пациентов и паствы. Словом, рабский труд широко применялся не только в домашнем хозяйстве, но и во многих других сферах городской жизни.

Особенно широко использовались рабы на заводах и фабриках Ричмонда — промышленного сердца Юга. Здесь две ключевые отрасли — табачная и металлургическая — почти целиком зависели от применения рабского труда негров. Владельцы предприятий этих отраслей интенсивно использовали как принадлежавших им рабов, так и нанятых у других рабовладельцев. Независимо от того, собственные или нанятые

⁸ *Wade R. S. Op. cit.*, p. 22—23.

⁹ *Goldin C. D. Urban Slavery in the American South. 1820—1860. A Quantitative History.* Chicago, 1976, p. 43.

¹⁰ *Douglass F. My Bondage and my Freedom.* N. Y., 1968, p. 144.

рабы трудились на этих предприятиях, им приходилось выполнять там как всю грубую и тяжелую, так и довольно квалифицированную работу. На табачных фабриках города рабы выполняли операции по сортировке и сушке, нарезке и прессовке листьев табака, их упаковке и транспортировке. Причем большинство рабочих составляли мужчины. Там, где от рабочих требовалась быстрота и ловкость (например, при сортировке листьев табака), рабовладельцы часто использовали детей в возрасте 10—12 лет. Труд их в отличие от женского на табачных фабриках применялся довольно широко.

Условия труда на табачных фабриках были тяжелыми, особенно в летние месяцы, когда стояла изнуряющая жара. Рабочий день длился 10—14 и даже 16 часов. Рабов заставляли трудиться и ночью¹¹. Зимой рабочий день длился дольше, чем летом. Чтобы как-то скрасить однообразие и монотонность работы, негры нередко пели. Они с большим воодушевлением распевали псалмы, негритянские спиричуэлс, меняя ритм и громкость исполнения, переходя от хорового пения к сольному и наоборот¹².

На металлургических предприятиях Ричмонда рабов также использовали на самых разных трудовых операциях. За счет низкой стоимости труда рабов собственники предприятий получали значительные прибыли, что позволяло им порой успешно конкурировать с более технически развитым производством на Севере. Например, когда на Тредегерском чугунолитейном заводе в Ричмонде — крупнейшем на Юге — убыточное производство свободных мастеровых рабами. В результате уже в 1848 г. компания получила свыше 38 тыс. долл. прибыли, и Андерсен стал настаивать на том, «что все предприятия в рабовладельческом штате должны использовать только труд рабов»¹³. Рабов предпочитали не только потому, что труд их обходился дешевле, но еще и потому, что «с появлением черных, — по словам одного фабриканта из Северной Каролины, — исчезли забастовки и прочие публичные выступления рабочих»¹⁴.

В других городах Юга рабов использовали в качестве дешевой рабочей силы на самых различных предприятиях. На канатных фабриках Луисвилла и Лексингтона, на пристанях Нового Орлеана, Мобила и Саванны, в доках Балтимора и Вашингтона, на сахарных заводах, на текстильных фабриках, мельницах и мастерских Чарлстона, Норфолка, Мобила, Саванны и других городов — всюду работало множество рабов. Только в Новом Орлеане в 1850 г. на хлопкоперерабатывающей фирме «Леви Стим Хоттон Пресс» работало 104 раба, а на фирме помельче и у отдельных предпринимателей — по 30—40 рабов¹⁵.

Система аренды рабов расширяла возможности их использования в условиях города. Хозяева, имевшие больше рабов, чем требовалось для ведения домашнего хозяйства или для использования на своих предприятиях, предпочитали не продавать их, а отдавать в аренду на определенный срок какой-нибудь компании или отдельному лицу. Сделка об этом оформлялась специальным договором, включавшим цену аренды, время службы раба у нанимателя и ряд других условий. Р. Уэйд приводит в качестве образца один из таких договоров. Некие «Трастон и его брат обещают уплатить Джеймсу Брауну 90 долларов за наем его негра Фила на срок до 25 декабря 1833 г. Они же обязуются платить жалованье негру и оплачивать его лечение в случае болезни. Наниматели предоставляют ему одежду, обувь и одеяло, которые после окончания срока договора останутся в его собственности. Совершено в Луисвилле, 1 января 1832 г.»¹⁶.

¹¹ *Olmsted F.* The Cotton Kingdom. N. Y., 1953, p. 101.

¹² *Levine L. W.* Black Culture and Black Consciousness. Afro-American Folk Thought From Slavery to Freedom. N. Y., 1977, p. 5, 7, 13.

¹³ *Фонер Ф.* История рабочего движения в США от колониальных времен до 80-х годов XIX в. М.: Соцэкгиз, 1949, с. 297.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Goldin C. D.* Op. cit., p. 21.

¹⁶ *Wade R. S.* Op. cit., p. 39.

Нередко в договоре указывался род работы, которую будет исполнять раб. Некоторые хозяева добивались включения в договор условий о возмещении убытков в случае гибели их рабов в период найма.

Рабов нанимали на самые различные сроки: от недели до 5 лет. Наиболее распространенным был договор сроком на 12 месяцев. Для выполнения временных работ и отдельных поручений заключались контракты на несколько дней и даже часов, например для погрузки или разгрузки судна, для сопровождения пассажиров в поездке и т. д.

Распространение системы аренды рабов поставило в порядок дня проблему контроля над ними. Хозяин уже не имел возможности следить за поведением каждого своего раба, отданного на длительный срок на сторону. Поэтому считалось общепринятым, что контроль над рабами на весь срок аренды возлагался на нанимателя (арендатора). Сделки об аренде рабов, заключенные собственником и нанимателем, должны были в обязательном порядке регистрироваться в городском суде или в мэрии. С одной стороны, это служило определенной гарантией выполнения сторонами условий сделки, с другой — городские власти получали возможность контролировать число таких сделок и рабов, отданных в аренду. Кроме того, за регистрацию контрактов взималась пошлина, поступавшая в бюджет города.

Во многих городах в разные годы были приняты различные постановления, направленные на совершенствование системы контроля над рабами вообще и отданными в наем в частности. Согласно этим постановлениям, рабам запрещалось находиться на улице вечером и ночью без письменного разрешения хозяина или нанимателя. Запрещались любые собрания рабов. Им не разрешалось покупать спиртные напитки без письменного разрешения хозяина. Любой белый, продающий или покупающий что-либо у раба, обязан был проверить у него письменное разрешение на эту куплю-продажу. В некоторых городах муниципальные власти вводили для рабов, отданных в наем, специальные знаки или бирки, пропуска и т. д., причем для рабов различной квалификации разными были и значки¹⁷.

Уклонение от регистрации сделок об аренде рабов довольно строго наказывалось. Наказание получали как участники, так и сам предмет сделки, т. е. раб. В Чарлстоне черный раб, обнаруженный без пропуска, получал 20 ударов плетью, его хозяин платил 20 долларов штрафа, а наниматель выплачивал городским властям двойную стоимость регистрации и премию лицу, задержавшему раба. В Саванне за то же «преступление» раб получал 39 плетей, а хозяин платил 50 долларов штрафа¹⁸. И тем не менее огромное количество сделок не регистрировалось.

Несмотря на штрафы и угрозу наказания, многие владельцы не только уклонялись от регистрации сделок о найме, но шли еще дальше, предоставляя своим рабам право самим подыскивать нанимателя, договариваться с ним об условиях работы, оплаты и пр. Чаще всего это относилось к рабам, имевшим какую-нибудь профессию. Владелец раба в таких случаях требовал от него только одного: чтобы тот регулярно, раз в неделю или в месяц, приносил ему определенную сумму денег. Все, что рабу удавалось заработать сверх этой суммы, оставалось ему. Теперь часто рабу самому нужно было обеспечивать себя пропитанием, покупать одежду, обувь, необходимые для работы инструменты, а иногда и подыскивать жилье. Именно в таком положении оказался молодой Ф. Дуглас, когда хозяин предоставил ему полную свободу действий на следующих условиях: еженедельно выплачивать хозяину 3 доллара, питаться и одеваться за свой счет, покупать необходимые инструменты на свои деньги. Жить он мог где угодно, но также за свой счет¹⁹.

Подобная практика создавала совершенно новую ситуацию в положении раба, давала ему определенную свободу. Хозяин иногда даже не знал, где и на кого работает его раб. Это напоминало скорее отношения

¹⁷ *Goldin C. D. Op. cit.*, p. 137.

¹⁸ *Ibid.*

¹⁹ *Грэхем Ш.* Фредерик Дуглас. М.: Молодая Гвардия, 1959, с. 108.

помещика и крепостного крестьянина-отходника, чем хозяина и раба. Поэтому многие рабы стремились получить от хозяев разрешение находить себе работу. Некоторым из них таким путем удавалось заработать значительную сумму денег и выкупить на волю себя и своих родственников. Наиболее предприимчивые из рабов сами нанимали рабов. Например, раб-плотник или каменщик, получивший выгодный подряд, старался подыскать умелых помощников. О том, что подобная практика была широко распространена, говорят законы, принятые в разных городах, запрещающие рабам нанимать рабов. Такой закон был принят в Мобиле в 1858 г., а в Чарлстоне закон обязывал рабов, работавших у других рабов, носить особые значки²⁰.

Определить точно, как много рабов пользовалось правом самим находить себе работу в каждом из городов, невозможно, так как и владельцы, и рабы, и их наниматели всячески скрывали это. По данным американской исследовательницы городского рабства К. Голдин, в Чарлстоне в 1850 г., возможно, тысячи рабов сами находили себе работу²¹. Но зато хорошо известно, как власти и общественное мнение того или иного города относились к подобной практике. Так, в Саванне в 1845 г. Большое жюри объявило такую практику «великим злом» и высказало мнение, что это может серьезно ослабить институт рабства и стать «началом конца» рабовладения²². В Чарлстоне власти также считали подобную практику чреватой опасными последствиями и стремились пресечь ее. В Сент-Луисе местный издатель, выступая против предоставления рабам права подыскивать работу, заявил в 1824 г., что, «пока рабы остаются рабами, они должны в их собственных интересах, так же как и в интересах общественного блага, содержаться в суровом принуждении»²³.

Позиция рабовладельцев в этом вопросе была двойственной. С одной стороны, их пугала степень свободы, которую получали рабы, нанявшиеся на работу на сторону, ибо раб почти полностью выходил из-под надзора хозяина. С другой стороны, рабовладельцам было выгодно содержать (а вернее, «не содержать») рабов на таких условиях, когда можно было в зависимости от состояния рынка труда или других обстоятельств изменить условия договора с рабом в свою пользу. Кроме того, они не только не платили городским властям налога за сдачу раба в наем, но и не тратили ни цента на его содержание. Все это вместе взятое составляло немалую сумму и представлялось для владельцев, особенно мелких, чрезвычайно выгодным.

Таким образом, соединение традиционного использования рабов в хозяйстве рабовладельца и на его предприятиях с отдачей их в наем другим предпринимателям, а также предоставление рабам права самонайма в предвоенный период были характерными чертами института рабовладения на городском Юге. Это значительно отличало его от сельского варианта рабства, где основная масса рабов трудилась на плантациях и лишь незначительная — в качестве слуг и ремесленников в хозяйстве рабовладельца.

У городских рабов при самонайме появлялся определенный стимул: работать так, чтобы отдать хозяину причитающуюся ему сумму и заработать денег для себя. Этого не было ни на плантациях, ни в домашнем хозяйстве, ни на фабриках и мастерских, ни при сдаче рабов в наем или аренду. А сама городская жизнь, постоянное общение с белыми американцами из разных слоев населения, совместная работа с белыми рабочими на крупных предприятиях — все это, по словам советского американиста Э. Л. Нитобурга, в гораздо большей мере, чем у домашних и дворовых рабов на плантациях, способствовало развитию в сознании городских рабов чувства принадлежности к населению города и страны, в которой они живут, формированию у них многих общих с белыми тру-

²⁰ Goldin C. D. Op. cit., p. 39.

²¹ Ibid., p. 40.

²² Wade R. S. Op. cit., p. 50.

²³ Ibid.

дящимися оценкам норм поведения, взглядов на вещи и явления. Это, несомненно, ускорило их ассимиляцию по сравнению с плантационными рабами²⁴.

Жизнь рабов в городах, несмотря на наличие некоторых «свобод», оставалась трудной и безрадостной. Их постоянным уделом был тяжелый изнурительный труд. Жили они не намного лучше их собратьев на плантациях. В южных городах сложилась примерно одинаковая планировка рабовладельческой усадьбы: фасадом на улицу выходил господский «большой» дом, а во дворе размещались различные хозяйственные постройки и бараки для рабов — обычно длинные и узкие, часто двух-, а иногда и трехэтажные строения из кирпича или камня. Такой барак примыкал одним крылом к господскому дому или стоял позади него на небольшом расстоянии. Как правило, для жилья там использовался только второй этаж. На первом размещались кухня, кладовые, прачечная, конюшни и пр. Вся усадьба обносилась высокой кирпичной стеной, а единственный путь на улицу проходил через ворота «большого» дома. Сад и двор находились в центре усадьбы.

Комнаты в бараках рабов были небольшими, площадью 9—10 м², плохо вентилируемые, часто без окон. Двери комнат, расположенных в ряд, выходили на один длинный и узкий балкон. Только через них в комнату проникали свет и свежий воздух. Иногда в комнате имелось подобие очага, но обычно рабы готовили пищу вне комнат. Меблировка состояла из сундука, где хранились кое-какие пожитки рабов, грубо сколоченного стола, нар или одной-двух лавок. Нередко рабы спали прямо на полу, а когда позволяла погода — на балконе. Все окна и двери, а также балконы негритянских жилищ выходили во двор. Это делалось для того, чтобы хозяева из своего дома могли видеть все, что делалось в комнатах рабов. Как правило, даже крыши таких бараков имели крутой скат в сторону двора, наружная стена была кирпичной и высокой, а усадьба в целом представляла собой своеобразную крепость, в которую были как бы пожизненно заключены населявшие ее рабы. Само устройство такой усадьбы лишнее раз напоминало рабу о его приниженности и подчиненности.

С развитием системы аренды рабов многие из них стали жить отдельно от хозяев в жилищах, предоставленных нанимателями или снятых самостоятельно. Жилища эти зачастую представляли собой такие же бараки, как и в усадьбах рабовладельцев, и не отличались удобствами.

Семья негров в условиях городского рабства, подобно семье плантационных рабов²⁵, никогда не признавалась рабовладельцами «де-юре», хотя во многих случаях существовала «де-факто». Ни один рабовладельческий закон не признавал за рабами никаких прав личности, в том числе и права создавать семью, ибо признание такого права, с точки зрения правящего класса, означало бы посягательство на его собственность. В глазах закона раб являлся абсолютной собственностью своего господина, «который был вправе его обменивать, продавать, сдавать внаем, закладывать, инвертировать, проигрывать в карты, передавать по наследству. Он — вещь»²⁶. Из этого положения вытекало следующее: раб, не принадлежащий самому себе, не может ни приобретать собственность, ни давать обязательств, ни вступать в брак и создавать семью. Согласно же семейному праву, муж обязан защищать жену и обеспечивать ее всем необходимым, а жена — сохранять верность мужу и помогать во всех его делах до самой смерти. И наконец, буржуазный брак — это еще и имущественная сделка между супругами, которая оформлялась специальным брачным контрактом. Абсолютно бесправные рабы не могли позволить себе ничего подобного.

Создать семью рабы могли только с разрешения хозяина, который часто сам был заинтересован в этом и не чинил препятствий, особенно

²⁴ Нитобург Э. Л. Указ. раб., с. 99—100.

²⁵ Там же, с. 106—114.

²⁶ Травинский В. Н. Как погибли миллионы негров. М.: Соцэкгиз, 1963, с. 87.

рабыням, так как рожденные ими дети считались рабами и, следовательно, увеличивали его богатство. Если вступавшие в брак рабы принадлежали разным владельцам, то необходимо было согласие обоих.

Свадебная церемония обычно проходила в доме хозяина или в негритянской церкви, где черный проповедник с библией в руках совершал обряд бракосочетания. Он поочередно спрашивал жениха и невесту: «Ты любишь этого негра?», на что следовал положительный ответ обоих, и их объявляли мужем и женой. Вместо черного проповедника эту церемонию мог провести белый священник или шериф. Официальной регистрации брака рабов не производилось.

По случаю свадьбы устраивался праздник с вином и угощением, в котором принимали участие друзья и родственники жениха и невесты. К свадьбе заранее припасали вино и продукты. С согласия хозяина для проведения праздника выделялось помещение, а также комната, где после свадьбы молодые могли бы уединиться. Иногда в устройстве свадьбы деятельное участие принимали члены семьи хозяина (чаще всего хозяйка, ее дочери или сестры). Новобрачные получали от них различные подарки (обычно что-нибудь из хозяйской одежды), со всех сторон раздавались пожелания благополучия и счастья молодым. Все рабы, вовлеченные в свадебный праздник, относились к нему как к важному событию, и только после его проведения новая семья получала признание.

Свадебная церемония рабов в городах обычно копировала подобные церемонии в среде белых горожан и во многом отличалась от «бракосочетания» рабов на плантациях, где рабов часто и не венчали, а просто с согласия хозяина они начинали жить вместе, пройдя, однако, своеобразный свадебный ритуал прыгания через палку от метлы. Хозяйка и ее дочь держали палку за концы над полом, а хозяин говорил рабам, чтобы они взялись за руки и прыгнули через нее. Если женились немолодые люди, палку опускали пониже и те просто перешагивали через нее. После этого они считались мужем и женой²⁷. В том же случае, когда хозяину плантации нужно было поженить своих рабов, он подводил их к пустующей хижине, открывал Библию на первой попавшейся странице, скороговоркой читал молитву и заключал этот импровизированный «свадебный» обряд словами: «Ты ее муж, она твоя жена. С этого дня вы женаты и будете жить здесь»²⁸.

Какой бы ни была свадебная церемония рабов, их семья не получала никаких признанных законом прав, а сам брак рабов рассматривался не более как сожитительство.

Поскольку законом семья рабов не признавалась, перед ней сразу же вставала проблема стабильности и сохранения самого факта ее существования. Прежде всего ее мог разрушить сам хозяин, который по тем или иным соображениям (чаще всего финансовым) мог продать своего раба отдельно от жены и детей. Подобные случаи были довольно частыми и нашли довольно полное отражение в американской исторической литературе. Так, некий Мосли, священник из Кентукки, продал порознь жену и мужа, которых он сам незадолго до этого «венчал» в своей церкви²⁹. Р. Уэйд пишет о рабе из Чарлстона, который вскоре после «женитьбы» был продан одному хозяину, а его жена — другому. И хотя разлученные супруги жили в одном городе, им никогда не разрешили видаться³⁰.

Апологеты рабства оправдывали практику отдельной продажи членов семей рабов, ханжески заявляя, что «чистота их нравов» от этого не пострадает, ибо отдельная продажа означает, как и обычный развод, «гражданскую смерть» брака, а поэтому любой из бывших супругов может в любое время вступить в новый брак и это не навлечет на

²⁷ Гейнс Э. Дж. Автобиография мисс Джейн Питтман. М.: Прогресс, 1980, с. 123.

²⁸ Bennett L. Before Mayflower. A History of the Negro in America. 1619—1964. Chicago, 1969, p. 82.

²⁹ Goodell W. American Slave Code. N. Y., 1969, p. 114.

³⁰ Wade R. S. Op. cit., p. 118.

него гнева всевышнего³¹. Даниэль Гудлоэ, аболиционист из Северной Каролины, писал в 1852 г., что, «разлучая рабов, жен и мужей, родителей и детей, работорговцы и рабовладельцы не нарушают ни законов штатов, ни федеральных законов»³², ибо таких законов просто-напросто не было. Ни в одном из рабовладельческих штатов не существовало законов, запрещавших продавать раздельно семейных рабов и их детей. И лишь в Луизиане — «самом гуманном» из них, по словам видного негритянского историка Ф. Банкрофта, продажа детей рабынь отдельно от матери разрешалась только с десятилетнего возраста³³.

Семьи рабов, принадлежавшие разным хозяевам, разлучались и при переезде одного из них в другой город. Банкротство хозяина или его смерть также служили причиной разрушения семьи рабов. В этих случаях их распродавали на аукционе или передавали наследникам умершего хозяина.

Однако не все семьи городских рабов разрушались. Некоторым из них удавалось просуществовать довольно длительное время, и современники нередко отмечали наличие семей, состоявших по крайней мере из представителей трех поколений³⁴. Чаще всего такие семьи сохранялись в том случае, если все их члены принадлежали одному хозяину и жили вместе.

Если же у членов семьи были разные владельцы, то муж и жена с детьми жили раздельно, каждый у своего хозяина. Встречаться они могли лишь изредка, в основном по воскресным дням, когда им разрешалось навестить друг друга и провести вместе день или ночь.

Такое раздельное существование не служило укреплению семейных связей. Полная зависимость от хозяина, обязанность беспрекословно исполнять его волю, лишала мужа власти и авторитета в семье. Муж-раб не мог быть и защитником своей жены. Любой белый мужчина мог обесчестить рабыню, даже замужнюю, а ее муж не мог заступиться, так как не имел права на ее защиту. В таких условиях он являлся не защитником и кормильцем семьи, а всего лишь половым партнером жены. И хотя дети при редких визитах называли его «папой», друзья считали его мужем и отцом, а городские газеты, печатая сообщения о бежавших или наказанных рабах, называли их мужем и женой³⁵, такой семейный союз имел слишком малое сходство с брачным институтом свободных людей. Беспомощность раба-отца в деле защиты семьи накладывала, по словам американского историка Р. Хилдрета, роковую печать на отношения между супругами. Сознание непрочности супружеских отношений отравляло и губило их³⁶.

Роль женщины в семье рабов была гораздо более важной, хотя и более трудной. Забота о детях, по крайней мере до тех пор, пока они находились с ней, лежала на матери. Хозяйева в своих же интересах старалась при продаже не разделять мать и ее маленьких детей. Существовала даже своеобразная такса на детей, продаваемых вместе с матерью. Покупавший имел право взять себе и ее грудного ребенка по обычной цене, т. е. по 1 долл. за фунт веса³⁷.

Женщина чаще всего оставалась почти единственным защитником и кормильцем семьи, ее основным связующим звеном, хозяйкой в своем жилище, главой и опорой семьи. Это способствовало тому, что среди рабов «развился и оказался наиболее распространенным тип своего рода матрифокальной семьи, в которой ответственность за ее содержание лежала на женщине. Такая семья сохранялась главным образом благодаря родственным узам и чувствам, существующим между матерью и детьми, живущими вместе с ней»³⁸. Это определение, данное

³¹ *Bancroft F.* Slave Trading in the Old South. N. Y., 1969, p. 207.

³² *Ibid.*, p. 200.

³³ *Ibid.*, p. 197.

³⁴ *Wade R. S.* *Op. cit.*, p. 58.

³⁵ *Ibid.*, p. 117.

³⁶ *Хилдрет Р.* Белый раб. М.: Лениздат, 1951, с. 32.

³⁷ Там же, с. 293.

³⁸ *Нитобург Э. Л.* Указ. раб., с. 109—110.

Э. Л. Нитобургом семье рабов на плантациях Юга, в полной мере относится и к семье городских рабов.

Число детей в семье городских рабов, возглавляемой женщиной, обычно уступало числу их в семье плантационных рабов, где оно нередко достигало 10 и более. Плантатор всячески поощрял, а порой и принуждал рабынь к рождению детей, премируя их за каждого новорожденного, а в случае смерти рабыни-матери ее детей принимала другая рабыня-мать. И в городах хозяину было выгодно, чтобы его рабыня почаще рожала детей. Фактически это являлось таким же разведением рабов на продажу, как и на плантациях «Старого» Юга³⁹. В связи с этим многие рабыни становились матерями в 14—15 лет, а к 30 годам — бабушками. Известен «рекорд» одной рабыни: в 42 года она родила 41 ребенка и вынашивала 42-го, а может быть и 43-го, ибо часто рожала двойню⁴⁰.

Однако высокой была и смертность детей городских рабов. Непосильный труд и недостаточное питание беременных рабынь приводили к частым выкидышам. А почти полное отсутствие ухода за новорожденными было основной причиной их высокой смертности. Далеко не все из них доживали до отроческого возраста.

Выжившие недолго оставались с матерью. По достижении ими 10—12 лет дети городских рабов нередко продавались хозяином на плантации или отдавались в аренду другим рабовладельцам. Но в зависимости от обстоятельств хозяин мог продать ребенка и в возрасте 6—7 лет и даже раньше⁴¹.

Почти любой белый, имевший деньги, мог купить себе маленького раба или рабыню, нисколько не считаясь с тем, что он отрывает ребенка от матери и наносит им непоправимую психическую травму. В среде богатых плантаторов, работоторговцев и дельцов был распространен обычай дарить маленьких рабов своим любимцам — крестникам, внукам, новорожденным и даже еще не родившимся потомкам. В том случае, когда у своих рабов не имелось таких «подарочных» детей, их покупали. Причем для еще не родившегося белого ребенка иногда покупали беременную рабыню, предназначая ее будущего ребенка в слуги также будущему господину или госпоже. Часто такая рабыня становилась кормилицей белого ребенка, а ее дитя с пеленок являлось его слугой⁴².

Продажа детей отдельно от матерей сопровождалась тягостными сценами⁴³. Проще обстояло дело с продажей детей-сирот. Сотни рабов в городах ежегодно умирали от непосильной работы, плохого питания, болезней, часто оставляя после себя малолетних детей. Особенно высокой была смертность среди домашних рабов, принадлежавших небогатым рабовладельцам, содержавшим одного-двух рабов и взваливавших на них всю тяжесть домашней работы. Оставшихся от них детей хозяева старались продать, так как находили для себя слишком хлопотным содержать их без матери. При этом и у продавца, и у покупателя совесть оставалась «чиста»: они пристраивали бедных сирот, что считалось весьма богоугодным делом. Именно поэтому многие работоторговцы часто стали продавать детей, отобранных у родителей, выдавая их за сирот⁴⁴.

Угроза разлуки, постоянно висевшая над семьей рабов, порождала у них сознание непрочности супружеских связей. Большая часть рабов переживала это как трагедию, и лишь незначительная относилась к факту разрушения своей семьи индифферентно. В силу этого браки отнюдь не всегда прельщали рабов. Многие из них находили удовлетворение полового чувства во внебрачных связях, имевших неглубокий, времен-

³⁹ См. *Косарев Б. М.* Работоторговля как источник негритянского рабства в США. — Вопросы истории, 1972, № 10, с. 87—97.

⁴⁰ *Bennett L.* Op. cit., p. 86.

⁴¹ *Bancroft F.* Op. cit., p. 208—209.

⁴² *Ibid.*, p. 212.

⁴³ *Documentary History of the Negro People in the United States/Ed. Apteker H. N. Y., 1951, p. 207—208; см. русский перевод этой работы в сб.: Расы и народы. В. 6. М.: Наука, 1976, с. 273—274.*

⁴⁴ *Bancroft F.* Op. cit., p. 213.

ный характер⁴⁵, тем более что в городах с плотным населением и интенсивным ритмом жизни имелись гораздо большие возможности для выбора партнера, чем на плантации, где рабы были в значительной мере изолированы от рабов других плантаций, что лишало их возможности общаться или хотя бы видеть других людей, кроме тех, кто трудился рядом с ними, своих хозяев и надсмотрщиков. В городах же рабы находились в непосредственном общении со множеством разных людей: черных и белых, свободных и рабов. В таких условиях контакты между ними становились неизбежными, вопреки нежеланию рабовладельцев.

Контакты эти возникали всюду: на работе, в магазинах, на рынках, в церквях и просто на улицах. Возникнув случайно, они могли перерасти во взаимную привязанность или прерваться после половой связи. Наиболее часто такие отношения возникали между рабами как представителями одной социальной группы. Но черные рабы вступали во внебрачные связи не только с рабами, но и со свободными мужчинами и женщинами всех оттенков кожи.

Некоторое распространение получили связи свободных негритянок и индейнок с рабами. Подобные союзы иногда становились довольно устойчивыми, так как хозяин раба в худшем случае мог продать только его. Мать и детей не мог разлучить уже никто, ибо по законам, существовавшим во всех рабовладельческих штатах, ребенок наследовал статус матери⁴⁶, следовательно, ребенок свободной женщины и раба становился свободным. Но таких союзов было относительно немного, так как свободные женщины предпочитали иметь дело со свободными мужчинами, а не с рабами.

Более распространенными в южных городах были межрасовые внебрачные связи, особенно между белыми мужчинами и негритянками, как рабынями, так и свободными. Этому во многом способствовали демографические факторы, существовавшие там в предвоенные десятилетия. В таких быстро растущих городах, как Мобил, Новый Орлеан, Сент-Луис, Луисвилл и др., число белых мужчин значительно превышало число белых женщин. В то же время черных женщин, свободных и рабынь, было больше, чем черных мужчин. Таким образом, в одной расовой группе имелось преобладание мужчин, а в другой — женщин. Например, в 1820 г. в Новом Орлеане (наиболее типичном в этом отношении) белых мужчин (8266) было на 2948 человек больше, чем белых женщин (5318), а рабов-мужчин (2709) на 1937 чел. меньше, чем женщин (4646). Среди свободных негров также мужчин (2432) было на 1373 чел. меньше, чем женщин (3805). Иначе говоря, «излишек» белых мужчин составлял 2948 чел., а черных женщин — 3310 человек. К 1860 г. цифры изменились, но соотношение между ними осталось прежним, причем среди молодежи разрыв был еще больше⁴⁷. И такая картина наблюдалась во многих городах.

Таким образом, мужчины, не найдя себе подруг среди белых женщин, находили их среди черных. Последние, испытывая, с одной стороны, постоянный недостаток мужчин своей расы, а с другой стороны, привлекаемые кажущейся возможностью лучше устроить свою жизнь и жизнь своих детей, вступали в связи с белыми мужчинами. Определенное значение в межрасовых связях имел «престиж белой расы», который, по словам видного негритянского социолога Ф. Фрэзера, «был достаточным, чтобы белый мужчина мог получить от черной женщины все для удовлетворения своего желания»⁴⁸.

В результате такого рода внебрачных связей возник своеобразный тип семьи, состоящей из черной матери и ее детей-мулатов. Во главе такой семьи стояла мать. Белый отец никакой ответственности не нес, так как подобные связи не признавались законом и часто носили скрыт-

⁴⁵ Blacks in Bondage. Letters of American Slaves/Ed. Starobin R. N. Y., 1974, p. IX.

⁴⁶ *Нитобург Э. Л.* Указ. раб., с. 18.

⁴⁷ *Wade R. S.* Op. cit., p. 328—330.

⁴⁸ *Frazier E. F.* The Negro Family in the United States. Chicago, 1969, p. 53.

ный характер. Дети получали статус матери и, если она была рабыней, становились рабами.

Семья рабов в городах Юга, как видим, не являлась стабильным институтом, признаваемым законом. Возникнуть и существовать она могла только с разрешения хозяина. Он же мог и разрушить ее по своему желанию, распродав по отдельности всех ее членов. Роль отца в такой семье по сути дела была сведена на нет.

В этих условиях не только на плантациях Юга, но и среди городских рабов сложился своеобразный тип семьи, состоявшей из рабыни-матери и живущих с ней детей. Во главе семьи стояла мать, на которой лежала вся ответственность за детей и которая нередко была ее единственной материальной опорой. Это обстоятельство наложило особый отпечаток на последующее развитие семейных отношений американских негров.

Бе Вьет Данг, М. Н. Губогло

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИИ В СРВ

Социалистическая Республика Вьетнам — многонациональное государство. В нем наряду с вьетами, самым крупным по численности народом (по данным на 1982 г. — свыше 56,2 млн. чел.), проживает множество народов, численность которых колеблется от миллиона до нескольких десятков человек. Вьеты заселяют преимущественно равнинные и прибрежные районы страны. Остальные народы, заселяющие в основном горы и предгорья и составляющие около 15% всего населения, занимают примерно $\frac{2}{3}$ площади СРВ. Они говорят на многочисленных языках, относящихся к различным языковым группам.

До Августовской революции 1945 г. многочисленные народы Вьетнама находились на разных уровнях экономического и культурного развития и были разобщены. Вот почему в программе Коммунистической партии Вьетнама сразу после ее образования (1930 г.) национальной вопрос и проблемы национальных отношений заняли важное место. На всех этапах развития страны по пути социалистического строительства целью национальной политики было «объединение всех народов на основе равноправия, взаимопомощи в борьбе за свободу, независимость и общее счастье»¹. Этой борьбой за свободу — революционным движением трудящихся — руководила партия. Единство народов было немаловажным фактором в успешном осуществлении Августовской революции и переходе к социалистическому строительству.

С победой народной революции началось экономическое и культурное возрождение страны, однако на этом пути вьетнамский народ столкнулся с огромными трудностями. Французские колонизаторы вторглись в Южный Вьетнам в декабре 1946 г. и развернули военные действия на севере и юге страны. Благодаря целенаправленной марксистско-ленинской национальной политике все народы страны, воспитанные в духе патриотизма и интернационализма, поднялись на борьбу с французскими, а затем и американскими колонизаторами. Началась война Спротивления (1946—1954 гг.), закончившаяся победой вьетнамского народа. Несмотря на огромные трудности, связанные с войной, в стране шла подготовка к социалистическим преобразованиям в промышленности и сельском хозяйстве, развивалась наука, в том числе и этнография. При партийных организациях были организованы группы для изучения

¹ Документы национальной политики партии. Ханой, 1965, с. 40. Здесь и далее ссылки на работы вьетнамских авторов даются в переводе на русский язык. Пользуясь случаем, авторы приносят благодарность Ле Нгок Ай, оказавшей помощь в переводе документов и других источников на русский язык.